

DOI: 10.32743/UniPhil.2021.82.4.27-30

МИСТЕРИЯ Д.Г. БАЙРОНА «КАИН» В ВОСПРИЯТИИ И.А. БУНИНА

*Щукина Вероника Александровна**канд. филол. наук, ст. науч. сотр.**Воронежского областного литературного музея имени И.С. Никитина,**РФ, г. Воронеж**E-mail: ODF88@mail.ru*

BYRON'S MISTERY "CAIN" IN BUNIN'S PERCEPTION

*Veronika Shchukina**Candidate of Philological Sciences, senior research fellow,**Voronezh Regional Literary Museum named after I.S. Nikitin,**Russia, Voronezh*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются художественные и стилистические особенности перевода мистерии Д.Г. Байрона «Каин», созданного И.А. Буниным в 1903 году. При сопоставлении оригинального текста с русским вариантом определяется специфика бунинской интерпретации произведения английского писателя.

ABSTRACT

The article investigates artistic and stylistic features of the translation of G.G. Byron's mystery "Cain", created by I.A. Bunin in 1903. The paper also analyzes peculiarity of Bunin's interpretation, comparing the original text with the Russian version.

Ключевые слова: перитекст, текстовые лакуны, средства языковой выразительности, семантика языковых единиц.

Keywords: peritext, text gaps, means of language expressiveness, semantics of language units.

Яркая личность английского поэта-романтика Джорджа Гордона Байрона (1788-1824) привлекала многих русских писателей и поэтов. Его произведения переводили на русский язык В.А. Жуковский, М.Ю. Лермонтов, Н.И. Гнедич, И.С. Тургенев, К.Д. Бальмонт, В.Я. Брюсов, А.А. Блок и другие классики отечественной словесности.

На рубеже XIX-XX веков творчеством Д.Г. Байрона заинтересовался и Иван Алексеевич Бунин (1870-1953). В 1900 году во время своего первого путешествия по Западной Европе, он побывал в тех уголках Швейцарии, которые вдохновляли английского поэта: на Женевском озере, в Шильонском замке, в Альпах. Впечатления от увиденного И.А. Бунин отразил в рассказе «Тишина» (1901): «Вот сейчас я подумал, что влаги можно поклоняться, как поклонялись огню... До чего это понятно – обожествление природы! Какое это великое счастье – жить, существовать в мире, дышать, видеть небо, воду, солнце! И всё же мы несчастны! В чём дело? В кратковременности нашей, в одиночестве, в не-правильности нашей жизни? Вот на этом озере были когда-то Шелли, Байрон... <...> И все мечтатели, все любившие и молодые когда-то, все, которые приходили сюда за счастьем, все уже прошли и скрылись навсегда» [4].

Уже тогда И.А. Бунин задумался о переводах произведений Д.Г. Байрона на русский язык. В особенности его привлекали мистерии – метафизические драмы, в которых английский поэт затронул вечные вопросы жизни и смерти. Сам И.А. Бунин постоянно проявлял интерес к онтологической тематике, признавался: «Я именно из тех, которые, видя колыбель, не могут не вспомнить о могиле. Поминутно думаю: что за странная и страшная вещь наше существование – каждую секунду висишь на волоске! Вот я жив, здоров, а кто знает, что будет через секунду с моим сердцем, которое, как и всякое человеческое сердце, есть нечто такое, чему нет равного во всём творении по таинственности и тонкости? И на таком же волоске висит и моё счастье, спокойствие, то есть жизнь, здоровье всех тех, кого я люблю, кем я дорожу даже гораздо больше, чем самим собою... За что и зачем всё это?» [2, с. 267].

Привлекали И.А. Бунина и отражённые в творчестве Д.Г. Байрона мысли о том, что «рассуждение противно природе человека», что «рассуждение – демон». Эти высказывания английского поэта он вспоминал и в более поздних своих произведениях, в том числе в книге «Освобождение Толстого» (1937).

Интерес И.А. Бунина к переводу мистерий Д.Г. Байрона был обусловлен и отсутствием русскоязычных вариантов этих произведений. Существовал лишь перевод отдельных сцен «Каина», осуществлённый поэтом Дмитрием Дмитриевичем Минаевым (1835-1889) в 1867 году.

Первым байроновским текстом, к которому обращается И.А. Бунин, становится именно эта мистерия, написанная в 1821 году. Ветхозаветная история о первом убийстве занимает особое место в произведениях и Д.Г. Байрона, и И.А. Бунина. Как верно замечает С.Б. Климова, «особую роль в творчестве английского и русского художников играет библейский миф» [5, с. 22].

Сам Д.Г. Байрон в предисловии к «Каину» писал о том, что при создании своей мистерии опирался непосредственно на текст Священного Писания, иногда используя цитаты, стараясь «сохранить язык, адаптировать его к своим персонажам, <...> внести как можно меньше изменений даже в слова, насколько позволяла рифма» (“to preserve the language adapted to his characters; <...> has made as little alteration, even of words, as the rhythm would permit” [8, p. 207] (здесь и далее, если не указано иначе, перевод наш. – В.Щ.)). Автор признавался также, что сюжет о братоубийстве привлёк его ещё в детстве, когда он прочитал поэму швейцарского литератора Соломона Гесснера (1730-1788) «Смерть Авеля» (1780).

И.А. Бунин создал перевод мистерии «Каин» в 1903 году. Его русскоязычный вариант произведения Д.Г. Байрона очень близок оригиналу, однако следует обратить внимание на некоторые важные особенности, отличающие два текста.

1). Текстовые лакуны.

Необходимо отметить, что И.А. Бунин перевёл не весь текст оригинала.

Прежде всего, он оставил за рамками русскоязычного варианта перитекст – посвящение и предисловие, которыми автор открывает своё произведение.

Д.Г. Байрон посвятил мистерию «Каин» английскому писателю Вальтеру Скотту (1771-1832): “To sir Walter Scott, bart., this mystery of Cain is inscribed, by his obliged friend and faithful servant, the author” («Сэр Вальтеру Скотту, баронету, эта мистерия о Каине посвящена его преданным другом и покорным слугой, автором»). В. Скотт был очень польщён подобным вниманием со стороны Д.Г. Байрона. В письме издателю Джону Мюррею (1778-1843) он отметил: “I accept with feelings of great obligation, the flattering proposal of Lord Byron to prefix my name to the very grand and tremendous drama of “Cain” [9, p. 92] («С чувством глубокого долга принимаю лестное предложение лорда Байрона добавить моё имя к величайшей, потрясающей драме «Каин»).

Опустил И.А. Бунин и предисловие, в котором Д.Г. Байрон объяснил причины обращения к средневековому жанру мистерии и её трансформации, указал на особенности собственной интерпретации библейской истории о Каине и Авеле.

Показательно, что Иван Алексеевич не перевёл наиболее личные высказывания английского поэта,

предваряющие основной текст. И.А. Бунин привлекла байроновская интерпретация ветхозаветной истории, непосредственно сюжет его произведения.

В самом тексте перевода также встречаются лакуны, что можно объяснить двумя причинами.

С одной стороны, думается, что И.А. Бунин опускает те фрагменты, которые, на его взгляд, не несут повышенной смысловой нагрузки. К примеру, подобная часть диалога Люцифера и Каина:

“Lucifer. Dar'st thou behold?

Cain. How know I what

I dare behold? As yet, thou hast shown nought

I dare not gaze on further.

Lucifer. On, then, with me.

Wouldst thou behold things mortal or immortal?

Cain. Why, what are things?

Lucifer. Both partly” [7, p. 237-238]

(«*Люцифер. Что видишь ты кругом?*

Каин. Откуда знать мне,

что я созерцаю? Пока ты ничего не показал,

не смею вглядываться дальше.

Люцифер. Тогда давай со мной.

Ты видишь тленное или нетленное?

Каин. Но что это?

Люцифер. Они одновременно смертны и бессмертны»)

С другой стороны, И.А. Бунин не переводит те мысли Д.Г. Байрона, с которыми, как можно предположить, не совсем согласен. Так, в русском переводе опущена часть метафизических рассуждений Люцифера. Сравним оригинальный текст с вариантом И.А. Бунина:

“Lucifer. Let He who made thee answer that.

I show thee what thy predecessors are,

And what they were thou feelest, in degree

Inferior as thy petty feelings and

Thy pettier portion of the immortal part

Of high intelligence and earthly strength.

What ye in common have with what they had

Is Life, and what ye shall have Death: the rest

Of your poor attributes is such as suits

Reptiles engendered out of the subsiding

Slime of a mighty universe, crushed into

A scarcely-yet shaped planet, peopled with

Things whose enjoyment was to be in blindness

A Paradise of Ignorance, from which

Knowledge was barred as poison. But behold

What these superior beings are or were;

Or, if it irk thee, turn thee back and till

The earth, thy task – I'll waft thee there in safety”

[7, p. 243-244]

(«Пусть Тот, кем создан ты, ответит.

Показываю я твоих предшественников,

Что были ниже тебя настолько,

Насколько твои мелкие чувства

Жалки в сравнении с бессмертным

Высшим разумом и земной силой.

Общее меж вами лишь то, что они когда-то

Жили и что ты должен будешь умереть: все

остальные

Скудные свойства твои подобны коже

Рептилий, созданной из затухающей
 Слизей могучей вселенной, раздавленной
 Ещё не сформированной планетой, населённой
 Существами, чьим наслажденьем было пребы-
 ванье в слепоте в

Раю Неведения, где Знание было под запретом,
 как отравы. Смотри также

На высших существ, что есть иль были;
 Но, если утомлён, вернись к своим трудам –
 возделывай землю, –
 Я в безопасности тебя домой доставлю»).

В переводе И.А. Бунина этот монолог значительно
 сокращён:

«Люцифер

На это пусть ответит

Создатель ваш. Я показал, чем стали

Предшественники ваши. Созерцай их

Иль, если это тяжко для тебя,

Вернись к земле, к своим трудам: ты будешь

Перенесён на землю невреждимо» [1, с. 252].

2). Графические средства языковой выразитель-
 ности.

Другая особенность перевода И.А. Бунина –
 использование в некоторых случаях курсива там, где
 он отсутствует в оригинальном тексте, и, напротив,
 удаление авторского курсива.

Например, в боготорческой речи Каина Д.Г.
 Байрон графически выделяет ключевые слова: место-
 имения *he* (он), подразумевающее Иегову; и *nothing*
 (ничто), указывающее на человека:

“*Cain*. No: *he* contents him

With making us the *nothing* which we are;

And after flattering dust with glimpses of

Eden and Immortality, resolves

It back to dust again – for what?” [7, p. 259].

В переводе И.А. Бунина графическое выделение
 отсутствует:

«*Каин*

Но создал

Ничтожеством; он поманил нас раем,

Бессмертием, но сотворил из праха

И в прах вернёт – скажи, за что?» [1, с. 273].

В то же время на значимых лично для него фразах
 Иван Алексеевич акцентирует внимание с помощью
 курсива. Так, И.А. Бунин выделяет слова, указываю-
 щие на появление своеобразной династии грешников –
 потомков Каина:

«*Каин* <...>

Он сладко спит, мой мальчик, и не знает,

Что в нём *одном* – зачатки вечной скорби

Для *мириад* сынов его!» [1, с. 275].

В оригинальном тексте курсив отсутствует:

“*Cain*. <...>

Little deems our young blooming sleeper, there,

The germs of an eternal misery

To myriads is within him!” [7, p. 260].

3). Семантика языковых единиц.

В своём переводе мистерии «Каин» И.А. Бунин ис-
 пользуется наиболее близкие к оригиналу лексические

единицы. Тем не менее, в некоторых случаях сокра-
 щает синонимические ряды Д.Г. Байрона, что приво-
 дит к некоторым изменениям смысловых значений.

Наиболее яркий пример – семантические си-
 нонимы, которые английский поэт использует для
 обозначения «змеи» – одного из ключевых образов
 произведения. В тексте оригинала употребляются
 три существительных:

1) нейтральное название животного “snake” –
 «змея»;

2) библейское понятие, обозначающее искушителя,
 “serpent” – «змий, дьявол»;

3) зоологический термин “reptile” – «рептилия,
 пресмыкающееся».

Существительные “snake” и “reptile” присут-
 ствуют в речи Люцифера, стремящегося доказать,
 что Ева видела на райском «древо знания» обычное
 животное. Напротив, Каин постоянно использует
 слово “serpent”, подчёркивая демоническую природу
 змеи. В этом смысле показателен следующий диалог:

“*Cain*. They say the Serpent was a spirit.

Lucifer. <...> The snake was the snake

No more” [7, p. 220-221].

(*Каин*. Они говорят, что Змий был духом.

Люцифер. <...> Змея была змеей. Не более»).

И.А. Бунин применяет только одну лексему –
 «змий»:

«*Каин*

Мне говорили, что змий был дух.

Люцифер

<...> Змий был змий, не больше» [1, с. 219].

Так, И.А. Бунин, создавая близкий к оригиналу
 перевод мистерии «Каин», очень тонко, при помощи
 графических средств и семантики некоторых лек-
 сем, обнаруживает в тексте своё присутствие.

Следует заметить, что точки зрения русского и
 английского поэтов на библейскую историю немного
 разнятся. Если для Д.Г. Байрона Каин и Люцифер
 являются настоящими романтическими героями-
 бунтарями, вызывающими своей смелостью симпатии
 автора, то у Ивана Алексеевича эти персонажи всё
 же не вызывают такого восхищения, скорее удивле-
 ние перед их отчаянным «сизифовым трудом» –
 заранее обречённой упорной борьбой с основами
 бытия. Своё отношение к образу Каина И.А. Бунин
 впоследствии выразит в одноимённом стихотворе-
 нии 1906 года:

«<...> Он – убийца, проклятый,

Но из рая он дерзко шагнул.

Страхом Смерти объятый,

Всё же первый в лицо ей взглянул.

Жадно ищущий бога,

Первый бросил проклятье ему.

И, достигнув порога,

Пал, сражённый, увидевши – тьму.

Но и в тьме он восславит

Только Знание, Разум и Свет –

Башню Солнца поставит,

Вдавливает в землю незыблемый след. <...>

Он спешит, он швыряет,
 Он скалу на скалу громоздит.
 Он дрожит, умирает...
 Но творцу отомстит, отомстит!» [3, с. 285].

К образу Люцифера И.А. Бунин также обратится в своей поэзии, написав в 1903 году стихотворение «Сатана Богу», повествование в котором ведётся от лица гордого павшего ангела, бросившего вызов Создателю.

Воспроизведение ключевых библейских богословских фигур в творчестве Ивана Алексеевича указывает на его личный интерес к ним. Переводя мистерию «Каин», И.А. Бунин сохраняет фабулу, однако отчасти нивелирует байроновское присутствие в тексте, заявляя при этом своё собственное. Именно поэтому «поэтическое произведение при пересадке на другую почву не поблекло и не зачахло» [6, с. 411]. По меткому замечанию Н. Любимова, для И.А. Бунина «перевод <...> всегда «брак по любви», и оттого-то он и оказывается браком счастливым» [6, с. 410].

Список литературы:

1. Байрон Д.Г. Каин / Пер. с англ. И.А. Бунина // И.А. Бунин. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 8. Стихотворения 1918-1953. Переводы. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 208-296.
2. Бунин И.А. Воды многие // Солнечный удар: сборник. – М.: АСТ, 2019. – С. 251-278.
3. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 1. Стихотворения 1886-1917. – М.: Художественная литература, 1965. – 596 с.
4. Бунин И.А. Тишина [Электронный ресурс]. – URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/rasskaz/tishina.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
5. Климова С.Б. Байрон в восприятии Бунина (аспекты рецепции): автореф. дис. ... канд. филол. н.: 10.01.03. – Нижний Новгород, 2009. – 25 с.
6. Любимов Н. О переводах Бунина // И.А. Бунин. Собрание сочинений: в 9-ти томах. Т. 8. Стихотворения 1918-1953. Переводы. – М.: Художественная литература, 1967. – С. 409-422.
7. Byron G.G. Cain // The Poetical Works of Lord Byron. – Vol. 5 / Edited by Ernest Hartley Culeridge. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1901. – P. 212-275.
8. Byron G.G. Preface to Cain // The Poetical Works of Lord Byron. – Vol. 5 / Edited by Ernest Hartley Culeridge. – N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1901. – P. 207-212.
9. Memoirs of the Life of Sir Walter Scott, bart. by J.G. Lockhart, Esq. / J.G. Lockhart (John Gibson). –Philadelphia: Carey, Lea, & Blanchard, 1838. – 352 p.